

Михаил Айзенберг Скажешь зима

Слово на ветер; не оживет, пока

в долгом дыхании не прорастет зерно.

Скажешь зима — и все снегами занесено.

Скажешь война — и угадаешь наверняка

Не говори так, ты же не гробовщик.

Время лечит. Дальняя цель молчит.

Но слово за́ слово стягивается петля;

все от него, от большого, видать, ума.

Скоро заглянешь за угол — там зима.

Михаил Айзенберг

Скажешь зима

«Новое издательство»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Айзенберг М.

Скажешь зима / М. Айзенберг — «Новое издательство», 2017

ISBN 978-5-98379-212-8

Михаил Айзенберг родился в 1948 году в Москве, окончил Московский архитектурный институт. Автор поэтических книг «Указатель имен» (1993), «Пунктуация местности» (1995), «За Красными воротами» (2000), «Другие и прежние вещи» (2000), «В метре от нас» (2004), «Переход на летнее время» (2008), «Рассеянная масса» (2008), «Случайное сходство» (2011), «Справки и танцы» (2015), «Шесть» (2016) и четырех книг эссеистики. Стихи, собранные в настоящей книге, написаны в 2013–2015 годах.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-212-8

© Айзенберг М., 2017
© Новое издательство, 2017

Содержание

1.		6
	«Сажа бела, сколько б ни очерняли...»	6
	«Дом, где словно стена пробита...»	7
	«Глаза нево время открою...»	8
	Гостиница	9
	«Снимок, не попавший в проявитель...»	10
	«Останется народная примета...»	11
	«Слепленный из мягкого, из ватного...»	12
	«Любили мягкий карандаш...»	13
	«Слово как возможная оказия...»	14
	«Вдруг зеленеет зрение...»	15
	«Как на серебряной пластинке...»	16
	«Дождик идет, редя...»	17
	«Поезда невнятное вещание...»	18
	«Дождь подходит шагом, шагом...»	19
	Деревья мы бабочки	20
	«Лучше следить за тучами; их вращенье...»	22
	«Летом необъявленные ливни...»	23
	«Такая ночь не тихий свет из спален...»	24
	Конец ознакомительного фрагмента.	25

Михаил Айзенберг

Скажешь зима

© Новое издательство, 2017

1.

«Сажа бела, сколько б ни очерняли...»

Сажа бела, сколько б ни очерняли.
Чей-то червивый голос нудит: «Исчезни!
Если земля, то заодно с червями».
Есть, что ему ответить, да много чести.

Эта земля, впитавшая столько молний,
долго на нас глядела, не нагляделась –
не разглядела: что за народ неполный,
вроде живое, а с виду окаменелость.

Так и бывает, свет не проходит в щели;
есть кто живой, доподлинно неизвестно.
И по ступеням вниз на огонь в пещере
тихо идет за нами *хранитель места*.

То-то родные ветры свистят как сабли,
небо снижается, воздух наполнен слухом,
чтобы певцы и ратники не ослабли,
чтобы ночные стражи не пали духом.

«Дом, где словно стена пробита...»

Дом, где словно стена пробита.
Дверь запирается так, для вида.
Все качается, не пролей.
Все ж таки надо держать правей,
если в мозгах пляска святого Витта.

Только шурум-бурум да шахсей-вахсей
и ни других гостей,
ни других новостей.
Мозг посылает одни депеши,
как заведенный, одни и те же,
в адрес всей этой нечисти. Власти всей.

Это из воздуха на дворе,
полном политики, словно гари,
передается: *тире – тире*
а произносится: *твари – твари*

«Глаза нево время открою...»

Глаза нево время открою –
не увидеть глазного дна,
но муть придонная видна,
не объяснимая хандрою.

Какой-то гул, как от костра,
всегда стоит за тишиною,
или нестройное ура,
на нас идущее стеною.

Большая складка тишины
еще снаружи неприметна,
но зверь в норе из глубины
почуял перемену ветра.

И тень становится длинней,
какую время наводило.
Останутся от этих дней
карманы, полные камней,
что бросить духу не хватило.

Гостиница

Гостиница, где смахивали пыль
до первой постановки «Ревизора».
Обслужой притворившийся упырь
стоит в дверях и не отводит взора.

Гостиница почти не занята
(и не из тех, кому в делах небурных
еще идут почтенные лета),
один паук шагает на котурнах.

Ах, если бы не память, чуть жива,
и если бы вокруг не так шипели –
мол, лучше сразу выйти из шинели,
чем жить не попадая в рукава.

«Снимок, не попавший в проявитель...»

Снимок, не попавший в проявитель,
сделанный рассеянным прохожим;
мы не знаем, что там, мы не видим,
дальнюю границу не тревожим.

Кто же мы – летающие вздохи
или вздохов моментальный снимок?
Птицы, подбирающие крохи
между сквозняков необъяснимых?

Ящерица, та что на припеке,
поднимает мизерное веко.
Видит восходящие потоки,
принимает их за человека.

«Останется народная примета...»

Останется народная примета,
чтоб сторожей пугать издалека,
да медленная туча до рассвета
протянется, как черная рука.

Все кончилось, а мы едва задемы,
и день наполовину не ослеп.
В Донском теперь бесплатные пакеты
и дождик, собирающий на хлеб.

«Слепленный из мягкого, из ватного...»

Слепленный из мягкого, из ватного,
сделанный из снега на воде,
темный воздух ищет виноватого,
в накладной выходит бороде.

И уходит. Места не нашлось ему,
в памяти как будто снежный ком –
темный воздух, тонкими полозьями
увозящий прошлое тайком.

«Любили мягкий карандаш...»

Любили мягкий карандаш,
его острее не заточишь,
а что заточен, тот не наш.
(А ты бери, чего захочешь,
не сторож я тебе, не страж.)

Но время сдвинуло режим
и полюбило четкий почерк,
пера усиленный нажим,
напор без долгих проволочек.

А нам от них какой урон?
Уже не станет полумертвым
ни тот, рисуя на сыром,
ни этот, пишущий на твердом.

«Слово как возможная оказия...»

Слово как возможная оказия
в сообщеньях леса и травы,
сложная неявная афазия
грамоты, гниющей с головы.

Остается самое простое,
и перебирается за ним
слабый дух костра и травостоя.
Все забуду, стану аноним.

Вы о чем? Наверно, об уходе –
впору убывающему дню
темное в обратном переводе
уверенье. Я его гоню.

Лучше задержаться в отголоске
и тянуть, пока он не затих,
чем делить на черные полосы
тятя тятя жалобное их.

«Вдруг зеленеет зрение...»

Вдруг зеленеет зрение.
Вещи теряют вес.
Правила ударения
в дождь повторяет лес.

Кто и куда проник
зазеленевшим взглядом
можно узнать из книг.
Книги летают рядом.

«Как на серебряной пластинке...»

Как на серебряной пластинке
свет, зачерненная листва.
И птицы стали невидимки;
но слышен голос большинства.

Уже неясные творятся
дела. Вечерние цвета
смещаются туда-сюда
и привыкают не бояться.

«Дождик идет, редея...»

Дождик идет, редея.
В извести и золе
пасмурные деревья.
Осы навеселе.

Тишина неповинна,
что на нее пошла
ветхая мешковина,
вытертая кошма.

Чуть высветляя матовое,
чуть себя заборматывая,
слезы не бережет
воздуха шероховатого.

С ним попадешь в мешок.

«Поезда невнятное вещание...»

Поезда невнятное вещание.
Скорости последние известия.
Слышится какое-то прощание.
Тишина теряет равновесие.

Данное помимо расписания
и непроходящее движение
век не оборвет повествование,
если не узнает продолжения.

«Дождь подходит шагом, шагом...»

Дождь подходит шагом, шагом,
ропот все нетерпеливей,
замолчал – и сразу ливень
прыгает стеклянным шаром.

Или вдруг в траве по пояс,
при грохочущем огне
пронесется черный поезд
вдоль по белой простыне.

Деревья мы бабочки

Ходит, перепоясан
гулом, далекий гром.
И деревца всем классом
только что не бегом.

Угомняясь под утро
и отряхнувшись разом,
встанут смиренномудро.

Вечно елова шуба,
зелень еще тениста.
Им в сердцевине шума
перебирать монисто
и осыпаться светом,
мелкой сиять листвой.
Срок их по всем приметам
долг еще лесной.

Только и разговора,
что облетят не скоро,
сколько бы ни летали

сколько бы ни шумели
ветхие их шинели
легкие их медали

—

мы и сами саами
деревянные сани
присылайте за нами
становясь деревьями
жили яму копали
прирастали корнями
никуда не попали

просто жили и жили
обмирали со страху
ничего не решили
сколько б ни лепетаху

—

Бабочка в саду
глаз откроет карий.

Вспыхнет на лету
жизнь без нареканий.

Бабочки из грязи в князи,
серые в полоску,
собираясь восвояси,
выпьют на дорожку
темную окрошку.

Подсластите им цикорий
сахарным эфиром.
Всех полувоздушных тварей
за глазок их синий, карий
отпускайте с миром,
чтоб земля не охладела
к маленькому риску.

Только я на это дело
не давал подписку –
черной сажей щеки мазать,
издалека, как неясить,
говорить свое *угу*
через не могу.

«Лучше следить за тучами; их вращенье...»

Лучше следить за тучами; их вращенье
на высоте собирает все больше смысла.
Все получает новое назначенье,
кем неизвестно, но прежнее ненавистно.

Все поменялось, но кто отдает приказы,
если земля тверда, как дорожный камень,
облачных капельниц выплаканы запасы,
нет для тебя оттуда лечебных капель.

«Летом необъявленные ливни...»

Летом необъявленные ливни,
а зимой секретные заимки.
Мы-то знаем, что не так наивны
эти наспех сделанные снимки.

Глубина, лишенная обзора,
черточки одни, ни силуэта,
как частицы сложного узора
в оспинах рассеянного света.

«Такая ночь не тихий свет из спален...»

Такая ночь не тихий свет из спален,
а маленькие злые огоньки
на воздухе, покуда не развален
на мелкие и острые куски.

И мы не спим. Мы заняты. Нас нету.
Мы под водой стоим на дне реки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.